

**«ШТАБНЫЕ ВСЕ ДЕЛА...»
Барклай де Толли и пост начальника Генерального штаба
1-й Западной армии в начале Отечественной войны 1812 года**

15 июня главнокомандующий 1-й Западной армией и одновременно военный министр генерал от инфантерии Михаил Богданович Барклай де Толли получил от императора Александра I письмо. В нем, между прочим, говорилось о невыполнении отданного несколько дней назад приказа об отправке палаток из Свенцяи в Дриссу. Неприятная, но незначительная по своей сути недоработка породила довольно нервную реакцию адресата, известного своей холодной рассудительностью и невозмутимостью. Вместо признания за собой как за руководителем вины своих сотрудников, он обвинил во всем начальника штаба, который, как писал он монарху, «в физическом отношении не может удовлетворять всему тому, что я вправе требовать от него; он совершенно не обладает деятельностью, столь необходимою в его должности и особенно в настоящем положении; его телесные силы не отвечают его способностям. Я вынужден, Государь, выполнять его работу во избежание того, чтобы беспорядок, который мог быть тому последствием, не повредил общей пользе и не помешал мне двигаться по желанию».

Таким образом, на четвертые сутки с начала войны выяснилось, что система управления армией не отвечает требованиям момента. Причину тому Барклай де Толли в своем ответе императору видел в физической неспособности возглавлявшего штаб Николая Ивановича Лаврова. 51-летний генерал-лейтенант действительно страдал серьезными недомоганиями, не позволявшими ему временами даже сидеть. Сказывались полученные им две пулевые раны в правую ногу и контузия в левую руку (Измаил, 1790), пулевое ранение в правое плечо (Гларис, 1799) и особенно тяжелое ранение в правый бок осколком (Прейсиш-Эйлау, 1807). Бесспорно, периодическая недееспособность ключевого штабного чиновника серьезным образом влияла на управление армией, но проблема заключалась не только в этом. Иначе не происходили бы совершенно неприемлемые вещи. Так, 14 июня, с отъездом государя из Вильно, началось повальное бегство чиновников и жителей. Когда штаб спохватился, в городе нельзя было найти ни одной подводой, а еще предстояло вывезти больных, госпитальные вещи, ружья и многое из того, что составляет армейское хозяйство. Пришлось уже в ночи просить командира 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Тучкова 1-го предоставить транспортные средства. Именно эта организационная ошибка привела 16 июня к срыву планов главнокомандующего по эвакуации Вильно, когда он был вынужден на два часа задержать отход арьергарда, тем самым подставив его под удар наступающего противника. Слава богу, французы не были склонны устраивать сражения за обладание столицей Литвы. Столь же легкомысленно штаб подошел к пропаже авангарда 4-го пехотного корпуса, с которым до оставления Вильно не могли даже установить контакта.

Коренная проблема невразумительных действий штаба, да и руководившего им главнокомандующего, скрывалась в отсутствии опыта и навыков работы по управлению самой крупной армией со времен создания Петром I новой России. На начало июня в ее составе числилось свыше 120 тыс. человек. Все, с чем приходилось сталкиваться Барклаю де Толли и Лаврову в боевой обстановке, было на порядок меньше. Война не дала возможности штабу, получившему только два месяца назад в апреле 1812 г. законченный вид, притереться к Барклаю и к объекту управления - армии¹. Вместе с тем возросла рабочая нагрузка, усилилось психологическое давление, усугубив существующие проблемы сотрудничества и взаимодействия. При этом, оставаясь военным министром, главнокомандующий оставил за собой блок вопросов, связанных с формированием резервов², а также дела, «которые следуют к докладу Государю императору, или требуют особого разрешения»³.

Просьба Барклая сменить начальника штаба нашла понимание у государя, который в тот же день 15 июня предложил прислать своего адъютанта генерал-лейтенанта Ф.О. Паулуччи. Однако окончательный выбор он оставил за главнокомандующим: «...если вы найдете его соответствующим для замещения Лаврова, сделайте это; если нет, вы

можете поручить ему что-либо другое, или оставить его себе, или даже прислать его ко мне с вашими донесениями». В ответ 17 июня Барклай де Толли вторично просит переменить главного штабиста, усилив аргументацию, так как «тот совершенно не на своем месте». При этом он ни словом не обмолвился о Паулуччи. Присланный генерал-лейтенант на короткий период стал начальником арьергарда 1-й гренадерской дивизии, которую возглавлял генерал-майор. Такое назначение, нарушающее элементарную субординацию, было сродни открытому оскорблению. Зато четко демонстрировало - главнокомандующий не собирается работать с ним. Михаил Богданович хотел устранить кандидата по-тихому, его же собственными руками. Из случившего с ним Паулуччи следовало сделать соответствующий вывод и самому отказаться от предложения монарха.

Пока главнокомандующий 1-й армией разыгрывал партию, больше подходящую изощренному дипломату, чем полководцу на войне, события продолжали развиваться в неблагоприятном ключе. Копившиеся уже несколько дней проблемы с обозами приобрели необычайно серьезное значение. Даже Федор Петрович Уваров, командир 1-го резервного кавалерийского корпуса, отличавшийся известной долей легкомыслия и старавшийся не влезать в высшие сферы управления, не вытерпел и 20 июня написал государю. Он обращал внимание императора на необходимость привести обозы в порядок, так как их скученность в сочетании с плохими дорогами и плохим состоянием части лошадей создаст угрозу их потери и затруднит отход войск при наступлении неприятеля.

Александр и сам во время своего перемещения из Свенцяи в Видзы смог воочию лицезреть сей беспорядок. Государь обращается к Барклаю с двумя посланиями, но не как верховный главнокомандующий, а как наставник с внушением отправлять патронные ящики и сухарные фуры раньше выступления войск хотя бы на несколько часов. В другом письме государь продолжал подсказывать. Если у генерал-вагенмейстера малый отряд, то это ошибка начальника штаба, к тому же он занимается только вагенбургом Главной квартиры, а все остальные обозы армии «блуждают по всем дорогам, куда глаза глядят, останавливаются, где хотят, и грабят всю страну». Чтобы «водворить какой-нибудь порядок, переловить мародеров и грабителей», вместо восьми казаков надо выделить весь

Бугский полк или по крайней мере две сотни. Обозный беспредел дополнялся присутствием в тылу многочисленных офицеров, не имевших при себе никаких документов. «Прошу, - учил царь, - выдавать им билеты с указанием цели их отлучки».

21 июня, на пятые сутки со дня первого обращения Барклая де Толли к императору о замене начальника штаба армии, его просьба была, наконец, уважена. Однако место Лаврова занял все же Филипп Осипович Паулуччи. Участник штурма Измаила, кавалер Св. Георгия 4-го класса за Мачин, Лавров оказался на своей последней должности случайно. Ему посчастливилось быть дежурным штаб-офицером при Главной квартире Суворова в Италии и Швейцарии. За Тревию, где он с двумя ротами тульских мушкетеров опрокинул врага, удостоен Св. Анны 2-й степени с бриллиантами. Потом в генеральском звании был инспектором Сибирской инспекции, командовал бригадой в кампанию 1807 г., а в следующем - дивизией, а в начале 1812-го - даже корпусом. Впрочем, ничем выдающимся на военном поприще он не отличился, показав себя больше администратором. Был на хорошем счету у Аракчеева - сторонника порядка и дисциплины в делах и головах.

Заметил его и Барклай, предложив императору 1 апреля утвердить Николая Ивановича на пост начальника штаба: «...я имею счастье представить на сие место, впредь до Высочайшего Вашего Императорского Величества утверждения, ген.-лейт. Лаврова, которого нахожу достойным исправлению сей должности». Обладая прямым характером, Михаил Богданович не лукавил, но делал это не без умысла. Тому было довольно простое объяснение. Надо было срочно выбрать себе помощника, пока это не сделали другие, да и дело не ждало. Подбирая кандидатуру на этот пост, Барклай хотел иметь человека, не претендующего на самостоятельную роль и не обладающего глубокими знаниями стратегии и тактики, но послушного и исполнительного. По иронии судьбы, на этой должности государь уже тогда видел именно Паулуччи. Свидетельством чему является письмо графа Аракчеева брату от 3 апреля, где, говоря о начальниках штабов, отметил: «. у Барклая, где и государь предполагает свое

пребывание - генерал-лейтенант Паулуччи...» Однако четко выраженного желания главнокомандующего оказалось достаточным для перемены кандидатуры второго человека в армии. Теперь все вернулось на круги своя.

Филипп Осипович Паулуччи на самом деле звался Филиппо, и был он итальянским маркизом. Послужной его список выглядел внушительно. Службу начал в 1793 г. в пьемонтских войсках, потом поступил в австрийскую армию. В 1806-1807 гг. находился под знаменами Наполеона, где был причислен к генеральному штабу. Однако 16 марта 1807 г. перешел на российскую службу, став полковником квартирмейстерской части и адъютантом командующего Южной армией генерала от кавалерии И.И. Михельсона. В войне с Турцией он прославился дипломатическими способностями, подписав с владельцем Сербии конвенцию о принятии ее под покровительство России. Энергичного полковника вызвали в столицу. В качестве квартирмейстерского офицера с особыми полномочиями участвовал в финской кампании, готовя аналитические записки, осуществляя надзор и контроль за проведением операций. Именно он доложил правду о положении дел, и на основе собранной им информации был составлен план перехода к обороне. Война со Швецией принесла ему генеральский чин и орден Св. Георгия 4-го класса. С этим багажом и направлен он был в Закавказье начальником штаба Отдельного Грузинского корпуса.

Кавказ сделал Паулуччи известным человеком. Трехдневный марш во главе двух батальонов егерей в 800 человек с двумя пушками через снежные горы с последующим разгромом 10-тысячной персидско-турецкой армии под Ахалкалаками в 1810 г. принес ему чин генерал-лейтенанта. В следующем году, в сентябре, по отъезде генерала от кавалерии А.П. Тормасова, вступает вместо него в командование войсками и управление Грузией. За взятие полковником П.С. Котляревским 8 декабря 1811 г. Ахалкалакской крепости удостоен ордена Св. Владимира 2-й степени. При нем было подавлено восстание 1812 г. в Кахетии и усмирен Дагестан (Св. Георгий 3-й класса). Быстрые успехи его произвели сильное впечатление на Александра, и он вызвал Паулуччи, чтобы использовать в предстоящей войне с Наполеоном.

По прибытии в ставку Паулуччи оказался не у дел, так как назначение на пост начальника Генерального штаба 1-й Западной армии не состоялось по вине Барклая. Компенсацией стало утверждение на аналогичный пост в 3-ю армию под начало бывшего начальника Тормасова, что сильно огорчило маркиза. Не для того он мчался с Кавказа, чтобы оказаться на второстепенном участке на Волыни, и он задействовал все свои способности и связи, чтобы не допустить этого. Как ни странно, ему удалось отказаться от назначения и при этом остаться при государе, не любившем таких выходов. Отличительными чертами нового назначенца являлись деловитость, прямота и кипучая энергия при самостоятельном и независимом характере. Выбор был серьезным - Александр явно хотел усилить управление армией и поднять управляемость войсками.

Необходимость в этом становилась столь острой, что император решил использовать свой авторитет, чтобы помочь главнокомандующему навести порядок в войсках. В день назначения нового начальника штаба 21 июня он отдал от своего имени два приказа, пытаясь пресечь стремительно распространявшиеся в армии нарушения дисциплины. В первом он обрушился на нерадивых командиров: «Усмотрены Мною лично беспорядки при движениях обозов, кои не только в маршах своих не наблюдают правила полевого воинского учреждения, но имеют даже при себе чрезвычайно много строевых чинов, которые во первых отделяясь из полков уменьшают число в действующих войсках, а во вторых, будучи без начальства, легко могут делать по дорогам беспорядки, кои считаю Я главнейшим злом в армии». Во втором обратил внимание на продовольственные проблемы и «самовольные отлучки солдат от мест биваков». Приказ гласил: «...ни один человек, как строевой, так и нестроевой, не может находиться поодиночке по дорогам без билета; найденных же таковых немедленно брать полкам и разъездам и наказывать в то же время как беглых».

С уходом Лаврова перестановки в штабе не закончились. Наоборот, приобрели новый импульс и в конечном счете привели к смене и вновь назначенного начальника штаба. Из-за болезни исполняющего обязанности дежурного генерала армии полковника П.А. Кикина исполнение его обязанностей поручили полковнику С.Х. Ставракову, занимавшему должность коменданта Главной квартиры. Семен

Христофорович был легендарной личностью, обладавший редкой в российской армии способностью вести делопроизводство и хозяйственные дела. В польскую кампанию 1794 г. 30-летний прапорщик стал ординарцем Суворова, который сделал его своим доверенным лицом - «особенным секретарем». С тех пор он почти всегда находился при Александре Васильевиче. Итальянский и Швейцарский походы принесли Ставракову два чина и три ордена. В 1805 г. он заведовал личной канцелярией М.И. Кутузова, в последующем выполнял ту же функцию при М.Ф. Каменском и Л.Л. Беннигсене (удостоен Св. Владимира 3-й степени). Во время войны в Финляндии он, со сменой командующих, последовательно переходил от Ф.Ф. Буксгевдена к Б.Ф. Кноррингу и Барклаю де Толли. В 1811 г. был при Кутузове на Дунае. Все эти годы Ставраков заведовал письменными делами. Службист, но без амбиций, человек конкретного склада ума и абсолютно преданный своему начальнику, он занял пост более высокого уровня и масштаба штабной работы, требующей широкого кругозора и иных навыков.

29 июня было объявлено о назначении генерал-квартирмейстером полковника К.Ф. Толя вместо генерал-майора С.А. Мухина. Отставник был отличным съемщиком местности. Фактически вся его карьера базировалась на этом таланте. С апреля 1797 по октябрь 1811 г. он занимался исключительно полевыми работами и составлением карт, за что был удостоен званий полковника и генерала, но в остальном багаж его весьма скуден. Не имея образования, без знания языков и незначительным боевым опытом, с ограниченным топографическим опытом штабной деятельности, он к тому же не был склонен к проявлению самостоятельности, ожидая более привычных для него распоряжений свыше, зато временами выдавал рецидивы упрямства.

Заменивший его Толь был человеком совсем другого склада. За его плечами с успехом оконченный столичный Сухопутный кадетский корпус. Он свободно владеет французским и немецким языками, позволявшими ему знакомиться с трудами западноевропейских военных теоретиков. Считался признанным и авторитетнейшим офицером квартирмейстерской части с репутацией чуть ли не «самого образованного» штабиста, знатока военной теории. Боевым опытом он также явно превосходил своего предшественника. Если Мухин понюхал пороха в русско-турецкой войне 1787-1791 гг. на богом забытом фронте у Анапы и в польских кампаниях 1792 и 1794 гг., то Толь был участником более современных и более известных Итальянского и Швейцарского походов Суворова, сделавшего его капитаном, кампании 1805 г. и последней турецкой. В 1811 г. под непосредственной редакцией Толя издано первое в истории российской армии «Руководство к отправлению службы чиновниками (офицерами) дивизионного генерал-штаба». Все это дополнялось характером сильным, энергичным, честолюбивым, жаждущим признания, способным по собственной инициативе составить записку о подготовке к войне с Наполеоном. Обладал он и отрицательными качествами, выразившимися в откровенной грубости к подчиненным и резкостью высказываний в отношениях со старшими по званию. Имел он и покровителей, в том числе цесаревича Константина, ценивших его за знания и опыт, благоволил ему и государь. Его кандидатура была пролоббирована генерал-лейтенантом князем П.М. Волконским - управляющим квартирмейстерской частью, человеком беспристрастным и в деле не знавшим ни друзей, ни родных.

С переменой Мухина главнокомандующий лишился второго после начальника штаба ключевого чиновника из старой команды, будучи инициатором их отставок. На этих двух примерах можно говорить о системной ошибке, допущенной руководством в подборе кадров. За годы своего министерства и Михаил Богданович уверовал, что пассивные люди с канцелярским характером могут с успехом применяться в действующей армии на главных ролях. Оба отставника не были приближенными к нему, а лишь устраиваемыми его. Устраивали они его и своими слабостями, которые не позволяли им посягать на авторитет главнокомандующего. Привыкнув работать с максимальной отдачей сил, он не страшился недоработок подчиненных, предполагая исправлять их по ходу действия. Реальность разбила его мечты.

Барклай де Толли не рассчитал своих сил и возможностей. Это отлично видно на примере дня, приведшего к кардинальным переменам в штабе, - 15 июня. С начала войны Михаил Богданович работал с утроенной энергией и фактически не имел возможности нормально отдохнуть. С приближением французов к Вильно напряжение

только возрастало. И вдруг тишина. Полное отсутствие какой-либо информации, противник прекратил наступление. Барклай в полном недоумении относительно действий Наполеона. Об этом прямо говорится в запросе к командиру 3-го пехотного корпуса, прикрывавшего город: главнокомандующий «удивляется, что никакого сведения и никаких рапортов от авангарда вашего нет». И далее. Лишь начальник авангарда князь И.Л. Шаховский сообщает пустые сведения, поступающие к тому же «столь не аккуратно и редко», что для их получения Михаил Богданович «принужден посылать к нему за ними». Не выдержав неопределенности, Барклай отправился на передовую. Уже в 6 утра он объезжал аванпосты, где неожиданно узнал, что полдня назад произошла стычка с двумя эскадронами противника. Взяли шестерых пленных, все тяжело изранены. Однако никто не удосужился доложить об этом, как и об оставлении Ивье, об отходе аванпостов к Рыконтам, где встал новый авангард. Неувязок, недоработок, промахов на всех уровнях, от штаба до командиров соединений, было так много, что они с головой проглотили главнокомандующего. Его не хватало на все, и он вынужден был признать: без сильного штаба руководить армией проблематично.

Впрочем, понимание данного факта не распространялось на Паулуччи. С ним Михаил Богданович вел бескомпромиссную борьбу. На практике она выражалась в игнорировании начальника штаба. Не ставя его в известность, Барклай отдавал приказы через флигель-адъютанта Ю. Вольцогена и полковника А.А. Закревского или непосредственно начальникам корпусов, минуя штаб. Справедливости ради следует сказать: не все, что вызывало неприязнь у Паулуччи, специально было направлено против него или делалось для него. Просто и тогда в России организация работ часто подменялась так называемым ныне ручным управлением. Паулуччи хватило нескольких дней, чтобы осознать бесперспективность числиться на этом посту, и он подал прошение об отставке по «болезни». Повышенное чувство самозначимости, основанное на опыте, «приобретенном в продолжение 14-ти кампаний», не позволило маркизу удержаться на должности. Этому поспособствовала и неправильно выбранная манера общения. Его поведение было столь вызывающим, что, как заметил статс-секретарь императора К.В. Нессельроде, «своим заносчивым характером, своею надменностью, он сделался невыносим для всех». От Паулуччи ожидали срочного улучшения работы штаба, он хотел коренных изменений, без которых не видел возможности вообще приступить к делу. Ибо не желал быть, как писал он Аракчееву, «только простым исполнителем планов и распоряжений совершенно противных» его понятиям о войне.

30 июня император волевым решением назначает на опустевшее место начальника штаба армии генерал-майора А.П. Ермолова, который днями привлек внимание к своей персоне, предоставив записку о ситуации. В ней он призывал: «Нужно теперь идти на неприятеля, искать его, где бы он ни был, напасть, драться со всею жестокостью» и тем остановить продвижение его в глубь страны и открыть сообщение с Багратионом. Лестное предложение государя не нашло понимания у избранника. Алексей Петрович вдруг развернул бурную деятельность, употребив, как он выразился в своих записках, «все средства уклониться», аргументируя свой поступок неподготовленностью. Он подключил к своим комбинациям Аракчеева, имевшего непростые отношения с ним, но доверительные - с царем. Являясь инспектором всей артиллерии, он несколько лет не давал Ермолову хода, считая недавнего постояльца Алексеевского равелина и костромского ссыльного недостойным наград и повышений. В результате противостояния Ермолов к середине 1806 г. (за пять лет с момента возвращения на службу) смог стать лишь полковником, хотя принял деятельное участие в кампании 1805 г., отличившись в боях. Последующая война с французами 1806-1807 гг. принесла Ермолову известность и даже славу, что было отмечено несколькими орденами, включая Св. Георгия 3-го класса. Впрочем, и это не подвигло Аракчеева сменить гнев на милость, и он дважды блокировал представления князя П.И. Багратиона, своего подчиненного, к присвоению звания генерала. Лишь в марте 1808 г. Ермолов получает долгожданный чин. Однако назначенный инспектором части конной артиллерии новоиспеченный генерал скоро оказался начальником резервных войск на Украине и, несмотря ни на какие ходатайства, не смог поучаствовать ни в походе в Австрию в 1809 г., ни в войне с турками. Теперь же Ермолов мог надеяться на помощь графа еще и

потому, что знал о желании того выдвинуть на место начальника штаба армии Тучкова 1-го. И действительно, Аракчеев «нашел благорассудным» намерение Алексея Петровича избавиться от столь тяжелой ноши.

Конечно, это была беспроязвительная игра со стороны Ермолова. Пост начальника штаба открывал перед ним обширнейшее поле деятельности, превращая его в одного из вождей армии. Однако вокруг должности было много интриг и завистников, их надлежало умиротворить или нейтрализовать. Именно это Ермолов и пытался сделать, скромно утверждая заинтересованным лицам, «что достаточных для того сведений не имею и что обстоятельства, в которых находится армия, требуют более опытного офицера и более известного в армии». Вместе с тем, понимая сложность положения, в котором он оказался, и имея перед глазами пример двух предшественников за неполные десять дней, хотел оговорить кое-какие условия лично для себя на самом высшем уровне, что удалось сделать в разговоре с императором, обещавшим в случае неудачи вернуть его к командованию гвардейской пехотой.

Если назначение Толя было в значительной степени техническим - один из лучших штабных офицеров заменил хорошего картографа, то выбор Ермолова носил более серьезный и глубокий смысл. На высшую армейскую штабную должность определялся человек, не имевший как раз достаточного опыта штабной работы. Его генеральский стаж насчитывал всего четыре года. Из них менее двух лет пришлось на командование гвардейскими частями, 14-тысячным корпусом резервных войск, формирование двух конно-татарских полков и почти пятимесячную болезнь, а до этого были только конно-артиллерийские подразделения. Опыт ничтожный по сравнению с масштабом новой должности. К тому же он, по воспоминаниям его почитателя и родственника Дениса Давыдова, и в более позднее время, «не почитая себя администратором... чистосердечно» сознавал «в себе отсутствие административных сведений и совершенное непонимание финансовых вопросов». Был он и ярким представителем так называемой русской партии⁴. Безусловно, это обеспечивало будущие столкновения с его начальником. И все же Ермолова назначают на столь ответственную должность. Почему?

К этому времени выявилась своеобразная особенность командования 1-й Западной армией. Михаил Богданович «считал дело сделанным, если он отдал приказ или подписывал бумагу; заботу об исполнении он считал вне своих обязанностей». Однако и штаб, сменивший с начала войны двух начальников, тоже был выше таких мелочных забот. В итоге чехарда в обозах, отсутствие карт местности, постоянные личные запросы Барклая командирам корпусов: «Где их аванпосты?». На фоне безынициативного штаба Ермолов - амбициозный, решительный, активный, энергичный, волевой, способный взять на себя ответственность за принимаемые решения, распорядительный, с прекрасной памятью и острым умом, обладавший собственным взглядом и мнением - должен был укрепить руководство армией, придать ей импульс к действию. От него ожидали, что он заставит исполнять приказы и сумеет придать известную энергию мероприятиям командования. При мягкости и недостатке живости главнокомандующего это воспринималось как необходимое дополнение. Таким образом, в основе выбора лежали сугубо личностные качества. Сам Ермолов отлично понимал, ему «нужна была опытность и случай оказать некоторые способности, ибо, служа во фронте артиллерийским офицером... мог быть известен одною смелостью».

Став вторым человеком в армии, Ермолов предпринял шаги, чтобы вернуть на пост дежурного генерала Кикина, пользовавшегося отменной репутацией штабного работника. К большому своему разочарованию, сделать это ему не удалось. В результате Алексей Петрович оказался на желаемой должности, но вместо сильного помощника имел рядом с собой Ставракова. И было это совсем некстати, совершенно не соответствовало планам честолюбивого Ермолова. Более того, непредвиденное обстоятельство угрожало потерей только что достигнутой вершины. Ибо другим помощником его был генерал-квартирмейстер Толь - человек на своем месте.

Из-за Барклая де Толли замена начальника Генерального штаба превратилась в серьезную проблему, угрожавшую армии большими бедами. Демонстрируя свою беспристрастность, оставаясь над проблемой, главнокомандующий не проявил инициативы в подборе кадров. В результате ближайшими помощниками оказались его

личные противники и противники его умопостроений. При этом надежда принципиально улучшить работу штаба продолжала оставаться заманчивой перспективой. Первая же операция при участии Ермолова и Толя по отходу от Дриссы к Витебску показала это со всей очевидностью - те же игры с обозами⁵, еще и усугубленные серьезными перебоями в снабжении продовольствием⁶. Являясь противоположностями своим предшественникам, они парадоксальным образом сходились с ними в одном - они также не любили заниматься мелочами. Один выбор позиций под Витебском многого стоит⁷.

Барклай де Толли из штабной перетряски вышел ослабленным. Перед глазами многочисленных своих недоброжелателей и врагов он предстал одинокой фигурой, опирающейся исключительно на поддержку государя. Здесь само собой напрашивается сравнение с другим известным деятелем двенадцатого года. Вызывавший насмешки за то, что за несколько лет не смог выучить русский язык, военный советник императора генерал-лейтенант барон К. Фуль выглядит ребенком на фоне Барклая де Толли, который за всю свою жизнь так и не обзавелся хотя бы приятелем. К сожалению, эта личностная особенность на том посту, который он занимал, оказывала серьезное воздействие на ход военных событий. Именно проблема коммуникации загоняла Михаила Богдановича в сети одиночества, лишая его возможности опереться на команду соратников, что позволило бы ему сконцентрировать свои силы на борьбе с Наполеоном. Он же растрчивал их на решения ординарных текущих вопросов функционирования армии, загоняя себя в пределы технологического главкомандующего. В той войне, в которую вступила Россия, роль, взятая на себя Барклаем де Толли, не соответствовала ни характеру войны, ни потребностям армии. Именно в этом конфликте и следует искать главные причины личной драмы Барклая де Толли в Отечественной войне 1812 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ 3 апреля 1812 г. приказом по армии Барклай де Толли в основном сформировал свой армейский штаб. Там же предписывалось «приступить тот час к организации корпусных штабов, уведомив о чинах и именах коих они имеют назначить».

² Об этом М.И. Кутузову 11 августа сообщил управляющий департаментами Военного министерства генерал-лейтенант А.И. Горчаков: «по сим предметам сведение есть у г. военного министра, ибо многие по сей части распоряжении делаемы были прямо от него как по формированию полков, так и в рассуждении рекрутских депо».

³ В соответствии с приказом Барклая от 8 мая 1812 г.

⁴ Известна его острота относительно штаба Барклая де Толли, где служил чиновник по фамилии Безродный: «Здесь все немцы, один русский, да и тот безродный».

⁵ 9 июля командир 2-го резервного кавалерийского корпуса барон Ф.К. Корф доложил Ермолову об опасности, которой подвергались обозы. Оказалось, что они идут без старшего начальника и в полном беспорядке.

⁶ Цесаревич Константин 8 июля сообщил главкомандующему: в 5-й пехотный корпус «от провиантского ведомства не доставляется вовсе продовольствия ни мясною, ни виною порцією».

⁷ Достаточно почитать записки А.П. Ермолова.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. М., 1908. Ч. 10.

Отечественная война 1812 года: Материалы Воен.-учен. архива. СПб., 1908. Т. X; СПб., 1909. XI; СПб., 1910. Т. XIII; СПб., 1911. Т. XVII.

Воспоминания графа Нессельроде // Рус. архив. М., 1905. Кн. 4. № 8.

Глиноецкий Н.П. Истории русского Генерального штаба. Т. 1: 1698-1825 гг. СПб. 1883.

Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова, 1798-1826. М., 1991. Клаузевиц К. 1812 год. М., 1937.

Погодин М.Алексей Петрович Ермолов: Материалы для его биографии. М 1864.

Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004. Тартаковский А.Г. Неразгаданный Барклай: Легенды и быль 1812 года. М., 1996.

Тотфалушин В.П. М.Б. Барклай де Толли в Отечественной войне 1812 года. Саратов, 1991.